

ЕВГЕНИЙ ПЛАКСИН

РУСАЛКИ
СБОРНИК РАССКАЗОВ

МОСКВА
2024

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Плаксин
Русалки. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70637464

SelfPub; 2024

Аннотация

Неожиданно возникает желание запечатлеть в письме события и людей, встречающихся на пути, их образы и те впечатления, которые они оставляют в моей душе и будят мое воображение.

Евгений Плаксин

Русалки. Сборник рассказов

Памяти

*Лидии Ивановны Белозуб,
учителя Русской словесности,
посвящаю*

Встреча с Пегасом

Ну вот да здравствует рассвет! Такая прохладная свежесть, такая чудная тишина!

Не успев открыть глаза, как почувствовал в голове поскребывание целых трех новых рассказов, которые, измученные теснотой моего убогого черепа, так и просились наружу.

Нужно скорее браться за перо и писать, писать, писать...

А ведь Лев Толстой с самого утра косил траву, гонялся за розовощекими крестьянками, а потом, довольный и сытый, брался за перо, смахивал с бороды солому и творил, творил, творил...

А тут, совсем рядом я почувствовал горячее дыхание Пе-

гаса.

Он, не торопясь похлопывая крыльями, топтался у моего порога и смотрел на меня кротко и с любовью.

Скорее за перо! За гусиное. Побежал во двор, искал в парке. Все тщетно.

Но набрел на двух бабушек.

– Гусей нынче нет, – ответили старушки и, немного о чем-то поспорив, добавили: – Последнего ощипали лет сто назад.

Ну как же так? Нет пера и не будет очередного рассказа?

Пегас смотрел на меня с недоумением и, мне показалось, стал как-то нагло ухмыляться.

– Что, опять я виноват? Опять не вовремя явился? – промычал он, вытаращив на меня с явным вызовом глаза.

– Я все копыта истоптал, сколько своих перьев потерял, стремясь к тебе, а ты...

Тут он привёл все свои необыкновенные познания в ненормативной лексике, приложенные к моей персоне.

«Ещё бы, – подумал я. – Ему то проще. Он только и делает, что собирает чужие мысли. И слова.»

– Ты же знаешь, что я не нашёл пера! И что? Шариком писать? – пытался я возразить на обидную матерную тираду.

– Шарик, бобик,... что б тебе в лобик! – продолжил он, выложив известную матерную присказку, и, уже шипя, повернулся вдруг ко мне задом. Я понял по вилянию его хвоста, что сейчас случится непоправимое, и большего оскорбления я уже не переживу...

Голова его повернулась ко мне, и в прищуренных глазах отразилось презрение и, может, жалость.

Но пронесло. А диалог не состоялся.

От горячего его дыхания не осталось и следа, и он, понурив башку, какой-то униженный, не взмахнул крыльями, но поплелся устало прочь от моего порога.

Вышний Волочек

Деревня

Скрипнула калитка, и я выскочил из дома, чтобы поглядеть на гостей. Это был Никонорыч – местный мужик, батрачивший у Сан Саныча на всяких работах. Низенького роста, лет 50-ти, худой, с густой рыже-седой шевелюрой, он всегда меня забавлял своими хитрыми глазками и местными сплетнями.

– Привет, Ноконорыч! Что новенького? – спросил я, устраиваясь у забора.

– У Муравья новая партия нынче пошла, – ответил он, пожав мне руку, – но цвет пошел какой-то странноватый, –

продолжал он, ища глазами что-нибудь для сравнения.

– А, ну вот, смотри на этот листок, – показал мне на ветку куста. – Вот как раз такой.

Муравей был местный самогонщик, продававший в деревне недорого свой продукт и пользовавшийся в народе необыкновенным уважением за постоянство производства и за приемлемое качество напитка.

– Да вот еще тут избу Клавка продает племяннику Ирины. Да так недорого.

Ирина была местная дачница, пианистка из Ленинграда, «собирательница русских земель» как я ее прозывал, регулярно приглашавшая в свой дом окрестных дачников на музыкальные застолья.

– Так и прут сюда питерцы да ваши москвичи, – начал ворчать в своем духе Никонорыч, думая про себя и подсчитывая впрок, тем не менее, те барыши, которые он возьмет за перекладку печи в избе этой Клавки.

Тут мое внимание привлек дородный мужчина, шагавший очень важно по улице в нашу сторону. Внушительного роста с большой седой бородой, в белой косоворотке на выпуск, опоясанной шнурком вокруг солидного живота, в широченных холщовых штанах, в широкополой соломенной шляпе, он вызывал образ деревенского священника из классической русской литературы. Если бы на нем была черная сутана и крест на груди. А так – ну настоящий и живой Лев Толстой! Следом за ним плелась маленькая худенькая женщина, едва

поспевая за его большими шагами.

– Здравствуйте! – произнес он низким громовым голосом, поравнявшись с нашей калиткой и измерив меня испытующим взглядом. – Что, магазин то нынче работает? – спросил он, глядя на Никонорыча.

– Господь с вами! Что ж не знаете, что второй день закрыт, – пролепетал в ответ Никонорыч, прикрыв от солнца ладонью лицо и спрятав тем самым свои лукавые глаза. – Так что придется вам назад топать, – ухмыляясь, добавил он.

– Что ж, – человек потрепал задумчиво свою броду и, пытаясь разглядеть глазки Никонорыча, пробасил: – Тогда пойдем, Татьяна, назад.

И они, развернувшись, пошли прочь в том же порядке: сначала он широкими шагами, а за ним, мелко семеня, жена.

– Это кто ж такой? – спросил я, подождав немного.

– Да так, просто распиздяй, – ответил Никонорыч, глядя им вслед.

– То есть, как так? Вроде, солидный человек, – пытался я возразить на это грубое замечание.

– Тунеядец, – продолжал Никонорыч, закуривая, и после глубокой затяжки добавил: – Писатель.

Откровения от Сергея Петровича

В правом углу потолка опять послышался шорох. В остатках духоты уже ушедшего дня была какая-то тревога, мучила жажда после двух литров водки, съеденных накануне с Алексеем, а этот надоедливый шорох не давал покоя по ночам уже не в первый раз.

Профессиональные уши Петровича чутко улавливали движения всех четырех лап и даже угадывали очередную дислокацию этой лохматой твари.

– Чертова мышь! – подумал Петрович и, заскрипев матрасом, повернулся со злостью на другой бок.

Но сон был окончательно убит, а Лариска вставляла свой храп как раз в промежутки между мышинной возней под кровлей.

– Суки! Сговорились, – Петрович посмотрел на всякий случай на часы и успокоился: уже было 6, совсем рассвело, и можно было тихонечко встать и, пока все спят, заняться любимым делом.

Вот уже две недели ему никак не удавалось добраться до дачи и, наконец, счастливое мгновение наступило... Или бе-

да? В сомненьях его вдруг охватила дрожь, а лоб покрылся испариной.

Петрович, заглянув в комнату к внукам, убедился, что все спят, и покрался по коридору к погребу.

И опять, как и в предыдущие приезды на дачу, он наткнулся на зеркало.

Даже в сумерках наступающего дня он вновь отчетливо увидел на своем лице этот чертов прыщ. Проклятая бородавка! Уж давил ее, ковырял, кремами всякими изводил, а она всегда вылезает и ей – все нипочем! Ему не давала покоя фраза, брошенная однажды Лысым при всех на производственной пьянке.

«Бог шельму метит», – сказал он тогда, почесав у правой ноздри это самое место, занятое у Петровича прыщем.

«Странно, – тогда подумал Петрович. – Ведь, действительно, у предыдущих его двух начальников, директоров, были именно такие прыщи и именно в этом месте. А начальники то были еще теми жуликами и кто-кто, а Петрович то знал это лучше других. А теперь этот «честный крестин» и кичливый правдолюб таким коротким жестом всем показал сущность тихого и скромного человечка, незаметного Петровича. Как будто до гола раздел... Сволочь! Глупый лузер! Ты мне приносишь изрядный доходик, сам того не зная, а сидишь на мизерном окладе.

Прохлада погреба освежила потное лицо и вернула к главной цели.

Холодное пиво белой пеной заполнило кружку и уже стало было выползать наружу, как Петрович привычно уткнул свой нос в спасительную жидкость и, лязгнув коронками об стекло, стал медленно и с упоением хлебать.

Боль из головы куда-то вдруг ушла, а ее место заняла маленькая долгожданная радость. Ну вот, любимый кирпич в углу погреба извлечен, и рука потянулась в холодную глубокую дыру, цепляясь длинными рыжими волосами за стенки сырого камня.

И, как всегда, в это мгновение в голове проносятся все двадцать лет работы в конторе, все манипуляции со счетами, липовыми договорами и расписками. А сколько мудрейших подстав, сколько было продумано гениально разработанных склок и интриг, в которых, как мухи в паутине, дохли все эти всякие честные и добросовестные мудаки. И вот всего цена. Вот только дотянусь...

Костлявые пальцы наконец коснулись заветного пакета. Петрович вздохнул с облегчением – На месте!

И, как всегда, когда он думал о евриках, где бы он не находился, его глотка издала «кхе, кхе», как будто поперек ее застряла европейская купюра.

Аккуратные кирпичи евриков, рублей и долларов были разобраны и после пересчета с новой добавкой были собраны, перевязаны и вновь погребены в каменной дыре.

Вдруг где-то рядом, за открытой дверью погреба послышался шорох.

Петрович насторожился и, пристально вглядываясь в проем, стал медленно подниматься.

Раздался звон упавшего таза, и в струйке солнечного света взметнулась пыль. Опять эта неугомонная кошка Машка бросилась вдогонку за летающим куриным пухом.

Но Петрович вновь наткнулся на зеркало.

В полумраке на него смотрело чье-то совсем старое, серое лицо с набухшими мешками под глазами. Чуть приоткрытый рот с еле заметной серой линией губ в какой-то гримасе показывал редкие гнилые зубы с большим клыком слева внизу. Дряхлые щеки пересекали глубокие складки от самых глаз. А тот самый прыщ был надувшимся и багровым.

Петрович вздрогнул, не поверив зеркалу, надул щеки и открыл пошире рот с новенькими белыми зубными протезами. Но в зеркале увидел ту же страшную химеру гнилого, злого старца.

– «Ерунда! Похмелюга! Пивко на водочку легло, вот и все!» – Но Петрович вдруг вспомнил портрет Дориана Грея. – «Да я же никого не убивал! Они сами закатывались в ямы, и руки мои чисты!» – успокоил он себя и, уже не глядя на чертово зеркало, вновь поспешил в погреб.

Пивная пена заполнила ноздри и, сползая, клочьями повисла на дряблых щеках, а взгляд его был прикован к тайному кирпичу. «Кхе, кхе, кхе» – раздалось из глотки. Петрович глубоко вздохнул...

Маленький серый человечек вдруг почувствовал себя ги-

гантом, а маленькая радость стала большим человеческим счастьем.

Русалки



В наступившие сумерки небосклон над Волгой еще хранил свет заката, и вся река, прощаясь с солнцем, покрылась искорками серебра, которые охотно растворялись в ярких

бликах желтых огней прогулочных теплоходов. Там, на борту, слышалась музыка и веселые крики счастливых пассажиров. А рядом, по соседству, тащились уставшие работающие баржи, упрекающие своими скудными огоньками сверкающий мир теплоходов.

Догорающий костер со своими переливами горячих цветов приковывал взгляд к пылающим головешкам и под их мерцающим светом позволял мне разглядывать лицо Никиты. Несмотря на выпитую со мной бутылку водки, он, казалось, оставался совсем трезвым, и речь его была чистой и внятной, что убеждало в искренности и правдивости всех его веселых рассказов. Лишь когда он начал рассказ о русалках, лицо стало хмурым, складки вокруг рта и морщины на лбу резко очертились, и я заметил седину в темно-русой бороде и на висках.

Весь этот рассказ я записал и привожу его сейчас от имени рассказчика, насколько его запомнил:

«В то утро я проснулся, как всегда, с первым самым бледным светом наступающего рассвета. Нужно было спешить на берег и встретить начало дня в моей чудесной заводи.

Выпив наскоро кофе и собрав сумки, я направился к своей лодке.

Светало. Природа встречала новый день еще робкими перекличками птиц, а стелющийся туман над рекой темной серой дымкой закрывал другой берег, едва черневший в полной тишине, и сквозь эту мглу угрожал своими мрачными

контурами сосен и елей за полукилометровой водной гладью. Я двигался на лодке на другой берег, предвкушая удачи рыбалки, наслаждаясь тишиной, и лишь скрип уключин и плеск весла нарушали покой над рекой.

Но вот лицо вдруг почувствовало тепло – над лесом в дальнем уголке Волги засиял золотой рожок, а подпушка серых облаков стала розовой и нежно бархатной. Там, вдалеке, на вдруг возникшей полоске голубого небосвода появились огромные клочья белой ваты с багряными тенями внизу.

Я был свидетелем рождения нового мира и, полной грудью вдыхая свежий воздух, получая удовольствие от работы на веслах в скользящей по воде лодке, ощущал настоящую радость от согласия в природе и красоты этого утра.

Мои мысли оборвал скрип прибрежного песка: лодка уперлась в берег.

Я был на месте.

Раскинув снасти, раскурив трубку и затаив дыхание, я вглядывался через рассветную мглу туда, где должны были быть мои поплавки.

Поклевок не было, и я стал блуждать глазами по окрестным берегам и прислушиваться к редким переключкам птиц. Остатки ночи еще цеплялись за мой берег и плотным туманом накрывали находившийся слева от меня небольшой залив, который мог бы соблазнить любого рыбака своими зелеными лопухами сонных кувшинок и стеной высокого камыша. Вот я и размышлял, оценивая глубину залива и пер-

спективу клева, собираясь закинуть туда удочки.

Что-то будто заплескалось там, и мне показалось, что стебли камыша зашевелились.

Я замер.

– Никита, Никита, Никита, – еле слышно будто шепотом доносилось из камышей, и мне послышался высокий женский голос и чей-то смех. И вдруг, сквозь мрачную плотную мглу я увидел впереди силуэты двух человек, которые, разгребая листья кувшинок, брели по пояс в воде и брели явно в мою сторону.

Уже в метрах пяти от меня они встали, оставаясь по пояс в воде: теперь, в полумраке, я отчетливо видел двух обнаженных женщин, мокрые тела которых, облепленные длинными мокрыми волосами до самой воды, поражали бледно-лиловым цветом. В зеленых волосах у одной были заплетены кувшинки, а у другой – маленькие лягушата.

Туман будто вуалью окутывал их фигуры, волнами проплывая по их лицам, и я никак не мог сосредоточиться на их глазах.

– Ну как дела? – спросила та, что с кувшинками. На ее лиловых губах играла лукавая улыбка. Я почувствовал пристальный взгляд их глаз, что-то волнами перекатывалось по моему телу, голову стянуло тисками, а желудок застонал от спазма, и в подсознании пронеслось: «меня сканируют?».

Закружилась голова, я пошатнулся, и ком в горле не дал мне произнести ничего отдельного.

Эти странные фигуры ввели меня в оцепенение и казалось, что я вижу перед собой кадры из какого-то ужастика, но, подсознательно, надеясь выйти из этого полуобморочного состояния, я отвел взор от их нагих тел и уставился на поплавки. Вдруг как-то полегчало, отпустило, и я, не узнавая собственного голоса, произнес:

– Дома меня женщина ждет.

– Не врешь? – захихикала та, что с лягушатами, и тут же, как по команде, те зашевелились в волосах и принялись квакать. Прядь ее зеленых волос, сцепленных внизу лягушонком, закрывала один глаз. Но сквозь густые волосы проблескивала яркая синева. А другой-то, открытый, был янтарно-желтым!

– Бааутун, бааутун, бааутун, – заверещал лягушонок и, вылупив на меня свои глаза, начал раскачиваться на этой пряди волос, закрывая попеременно то один глаз русалки, то другой. Она же помогала ему, слегка покачивая головой, ухмыляясь, и невольно приковывала мой взгляд к открытой молодой груди.

Я стал чувствовать, что от чередования ярко-синего и янтарного цвета этих глаз я теряю сознание...

Трубка выпала из моей руки, и угольки табака обожгли босую ногу.

Я пришел в сознание.

«Какой-то бред!» – думал я, как будто во сне разглядывая эти голые лиловые фигуры, стоявшие в густом тумане по по-

яс в воде среди листьев кувшинок.

– Кто ж вы такие, если это не сон? – вновь, не узнавая собственный голос, прохрипел я. Но страха уже не было, а в подсознании я чувствовал живой интерес к этим созданиям.

Лягушата вновь разразились неистовым кваканьем, и вся шевелюра русалки пришла в немыслимое движение.

Первые лучи солнца уже коснулись верхушки мрачных елей и, похоже, это вызвало какое-то замешательство у русалок, они тревожно переглянулись, и их лица стали как будто рассеиваться.

– Поговорить уже не сможем. А ты приходи сегодня вечером, – сказала другая, перебирая кувшинки в своих волосах, – тогда и поговорим. Сейчас нам уж некогда. – И как-то строго поглядев на меня, добавила: – Да и крупы принеси.

Повернувшись, они побрели в воде и вдруг пропали из моего зрения.

Из скромного рожка солнце выросло в сияющий диск, и он растопил весь туман, а тишину вокруг сменило многоголосье счастливого пернатого мира. Еще последние клочья утренней пелены цеплялись за камыши, а уж вся река покрылась сверкающей рябью.

Дрема прошла, и я стал вспоминать рассказы бывалых рыбаков о встречах с русалками. Кто-то, помню, даже вступал с ними в связь, но и то «по пьяной лавочке».

Я глубоко и с удовольствием зевнул, потянулся...

Надо же, что может присниться! Но взгляд мой застыл на

заливе: оборванные стебли и листья кувшинок будто тропой вели в камыши...

После возвращения на базу, на обеде, как всегда, встретился с рыбаками. Все делились рассказами о своих поклевках и трофеях, и лишь я, не поймав ни одной рыбки, старался молчать и скрыть свой стыд, а уж говорить о русалках тем более не мог: ведь всё это мне просто показалось, померещилось, и народ подумал бы, что на берегу у меня случился приступ тяжёлого похмелья.

А рядом официантка о чем-то спорила с буфетчицей, и до меня донеслось:

– Купаться? Да ты что! Сегодня же Троица, и даже не думай к воде подходить, сейчас ведь Русалочья неделя! – уверяла шепотом взрослая женщина свою молодую подругу. – Не то попросят немного крупы какой-нибудь, да и уволочут на дно.

Послеобеденный отдых не получался. Сон никак не шёл, а память назойливо вызывала лицо той женщины с горящими разноцветными глазами. Поворочавшись с боку на бок в тщетных попытках заснуть, я все-таки встал, выпил кофе и понял, что поездки вечером на тот берег уже не избегу. Несмотря ни на что. Какая-то странная сила управляла мной, полностью парализовав мой разум, и лишь одно смущало – прогноз на вечер: сильный ветер и возможная гроза.

В четыре часа начал собираться, а в рюкзаке, укладывая свой перекус, обнаружил пакетик с пшеничной крупой и ни-

как не мог вспомнить, как он там оказался.

Чистое небо с редкими облаками ничего дурного не предвещало. Ветерок, правда, поднимал на реке небольшие волны, что меня совсем не смущало, и я погреб на своей лодке, наслаждаясь послушным и мощным веслом.

Всегда, проплывая середину реки, я чувствовал ее тело, будто переваливал через ее мышцы, которые напрягались и старались повернуть лодку так, как это было угодно хозяйке – реке, в чье упругое тело упорно вонзались весла и покоряли его силу. Это соперничество меня всегда радовало, заставляло работать с удвоенной силой и в итоге побеждать.

Но вот стремнина, русло реки, осталась позади, и добрый берег встретил меня с привычным уютом, и заводь очаровывала мирной зеленью травы, кувшинок и камыша. Лишь шорох наверху в кронах сосен и елей за моей спиной, да переклички вечно недовольных ворон нарушали покой.

Разбросав снасти и развалившись на своем стульчике, стал с нетерпением ждать поклевок.



Утренняя встреча с русалками казалась бредом и совсем уже не беспокоила моё сознание, зато я предвкушал встречу сумерек, когда после семи вечера неожиданно любое ненастье сменялось удивительным согласием и миром в природе, и река с ее зелеными берегами, камышовыми зарослями, белоснежными лилиями и желтыми кувшинками расписывалась нежными пастельными тонами и доставляла моему взору настоящее наслаждение.

Мою наступающую дрему потревожил один из поплавок: он вдруг уверенно пошел в сторону середины реки. Это могла быть только крупная рыба. Большой лещ! Я вскочил и схватился за снасть. Можно было смело подсекать, и я уверенно дернул удочку. Есть! Подсек! Застучало сердце, и я вошел в то состояние трепета, которое хорошо известно всем рыбакам. Настоящий кураж! Но рыба с необыкновенной силой тянула леску так, что я в азарте вошел в воду, ослабляя натяжение лески и боясь ее оборвать.

В этом месте был крутой свал берега, и уже через несколько шагов я стоял по горло в воде, и дно уже уходило из-под ног, а я никак не мог подтянуть рыбу, упорно тащившую меня за собой. Ну что мне оставалось – рвать леску и отпустить столь долгожданный трофей?

Но тут, уже потеряв дно, барахтаясь в воде, удерживая удочку одной рукой и оставаясь на плаву с помощью другой, я увидел перед собой под водой светлые блики, и как будто какие-то странные руки схватили меня и потянули в воду...

Я открыл глаза.

В центре странной поляны, окутанной будто облаком плотным туманом, в бледно-голубом сумеречном свете передо мной стояли две женщины, чьи тела и руки скрывали полностью до самой земли длинные белые сорочки – саваны, а сквозь их длинные зеленые волосы я чувствовал пристальный взгляд и даже угадывал янтарный и синий блеск в разных глазах у одной из них.

Сидя под деревом, я ощущал под собой необыкновенно мягкий, уютный мох.

– Что это? Где я? – с трудом прохрипел я, озираясь.

На стоящих вокруг высоких деревьях совсем не было веток, а их бурые, почти черные и прямые стволы были обсыпаны яркими пятнами лилового лишайника. Каждое такое пятно было соткано из мелких цветочков с лиловыми лепестками и желтыми капельками в центре, как будто цветами совсем маленьких васильков. И только на самом верху голые сучья этих странных деревьев причудливо переплетались, образуя густую крону без листьев, и своей необыкновенной черной сеткой напоминали ранние работы Мондриана. Сквозь эту паутину, сверху, разливался бледно-голубой свет. Но это была не Луна, а светилось какое-то странное огромное голубое пятно. И на этой странной поляне совсем не было ни травы, ни кустарников, и лишь бурый мох плотным мягким ковром покрывал все пространство на земле.

– Ты всё-таки пришел, – сказала одна из них. – Не испу-

гался, и мы решили поговорить с тобой, как и обещали.

– Пришел? – попытался я возразить. – Как это пришел? Вы меня куда-то затащили, и я не пойму – где я?

– Понимать тебе ничего не нужно, а только слушай, – продолжала та с разными глазами. – В ту первую встречу ты вместо глупого испуга проявил интерес исследователя, человека преданного и по-настоящему любящего окружающий мир, и мы даже почувствовали твоё теплое дыхание на наших телах. Вот поэтому ты здесь, с нами.

– Но что это? Сон? Я без сознания? – я то ли подумал, то ли произнес вслух. – А где лягушата? – почему-то спросил я. – Где тот с выпученными наглыми глазами, который пытался мне возражать?

– Лягушонок был наказан за непристойные издевки. И те лягушата вообще не могут быть в этом месте. А ты – в сознании.

Я решил было встать, но какая-то сила прочно меня держала на месте.

«Что вы можете мне рассказать, какую правду, если обретае на дне?» – думал я про себя, разглядывая перед собой эти страшные фигуры.

– В наших книжках пишут, что вы все утопленницы, – сказал я вслух. Мне хотелось услышать их историю. – Так ведь?

– Ну да, начитался Гоголя... А на самом деле ведь ему действительно была открыта правда иного мира, а всем он казался безумцем. Правду? А ты хочешь ее знать? Не станет

тебе жутко?

«Читают мои мысли...», – пронеслось в моей голове.

– Твоё сознание – это мы, – ответила на мои мысли одна из них. – И все твои мысли и чувства находятся в нашей власти, поэтому мы все знаем о твоём окружении и о тех, кто тревожит наш покой.

– То есть вы знаете всех наших рыбаков?

– И рыбаков и охотников с твоей базы.

– Ну и зачем вам это надо? Их ведь там полно, и все они меняются каждый раз, – удивлялся я.

– Надо. И скоро узнаешь, зачем, – ответили русалки.

Разговаривая, одна из них поправила свои волосы рукой. Рукав сполз, и я увидел тонкое запястье, а изящество кисти ее руки могло бы очаровать любого художника. Даже само движение руки было каким-то необычайно грациозным и волшебным. Вот бы в мраморе это сохранить! Сквозь густую копну волос я увидел ее изящный подбородок и пышные губы. Только бледно-голубой цвет кожи и синие прожилки на кисти руки и страшные кривые тонкие пальцы пугали и вызвали тревогу.

Всё-таки удивительные мы, русские люди: у нас даже русалки вполне человечны и даже интересны не то, что на Западе – эти всякие отвратительные ундины в чешуе и с рыбьими хвостами – непонятные, ужасные твари. Только, как бы узнать историю моих собеседниц?

Во время этой странной беседы я все надеялся увидеть их

полностью открытые лица, но, как и днем, при первой встрече, их лица закрывали волосы и удивительная бледно-голубая дымка, словно вуаль, плавала перед моими глазами.

«Странно, они читают мои мысли и, значит, знают о всех моих желаниях и надеждах? И обо всех моих пороках. А как бы узнать об их собственных судьбах? Об их душах... И почему тогда, при первой встрече они были голыми и лиловыми, а сейчас они совсем человечны, но почему в саванах?» – думал я, надеясь, что тут же поступит ответ.

– Вы, люди, любите рассуждать о душе. А что вы знаете об этом? – ответила на мой безмолвный вопрос разноглазая.

Я уж хотел было им поведать стандартную церковную версию, как вдруг увидел, что мои собеседницы и сама поляна стали меняться: бледно-голубая дымка стала золотистой, а волосы русалок поменяли свой цвет: у разноглазой они стали светло-русыми, а у другой – черными.

– Мы ваши версии знаем и нам нечего их рассказывать. А то, что души – вечны, это – правда, и они переходят от умершего человека к вновь рожденному и содержат всю информацию, собравшуюся при жизни человека, – молвила темно-волосая и вдруг открыла свое лицо.

Я ахнул – насколько это лицо было интересно. Цвет его стал смуглым и чуть золотистым, а полные губы и чуть раскосые черные глаза напомнили героинь Тысячи и одной ночи. Так странно – получалось, что эта тема их совсем очеловечила? Надолго ли?

– Вы же любите рассказывать друг другу о неких видениях, странных чувствах, о будто уже пережитых однажды ситуациях, о каких-то забытых запахах, – продолжила разноглазая, – то, что вы называете «дежавю». Ведь это и есть работа души, которая уже испытала это состояние и помнит его. И эта память необъятна, ибо собирает все человеческие жизни, в которых эта душа побывала. А вы все пытаетесь разгадать то, чего не понимаете. Там, на темной стороне Луны, совсем неведомой человеку, эти души хранятся и ждут своего часа, чтобы вас, людей после рождения одушевить и сделать людьми. Но кроме души, которая управляет вами, если вы ее чувствуете, осязаете, и только тогда идете нужной дорогой, на вашем пути встречаются иные сущности.

– Ты же часто думаешь о Селене? – спросила другая русалка, и спустя некоторого молчания я почувствовал ее пристальный взгляд.

Поразительно! Откуда они знают о Селене – той удивительной кошке с глазами египетской царицы, которая постоянно преследовала меня, когда я приезжал на рыбалку к тете Наде на речку Сутку и, хотя я весь свой улов из мелких рыб вываливал в таз во дворе для всех восьми кошек тети Нади, Селене эта рыба была не нужна и только она одна выходила со двора и следовала за мной вдоль всего берега и даже провожала меня на берегу, когда я уплывал на лодке, и встречала меня при возвращении. Она исчезла после моего предпоследнего приезда.

– Да, правда, я часто думаю о ней, но мысли мои путаются, и никак не могу понять ее странное поведение и внимание ко мне.

– А волнистых попугаев помнишь? – продолжала та же русалка.

– Как? Вы и это знаете?

Я отчетливо помнил то январское утро, когда на форточке в кухне моей квартиры на 22-м этаже я увидел сидящего волнистого попугая. Именно в те дни моя душа металась в поисках выбора и искала решение. Тогда, после двух лет работы в Африке, после службы в армии и пяти лет невыносимых скандалов в семье, я развелся и совершенно непостижимым, волшебным образом получил однушку в прекрасном доме и в прекрасном районе Москвы. В свои 34 года, здоровый, обеспеченный, с определенным номенклатурным статусом, окруженный любовью разных женщин, сыпавшихся как из рога изобилия, я ни в чем не знал нужды. Лишь сердце не давало покоя, и мысли о будущем моих детей, оставшихся с женой, просто изводили меня и не позволяли наслаждаться той жизнью. Дочь входила в неукротимый и необузданный период своей жизни, переходя из отрочества к женскому самосознанию, а сыну нужно было искать достойную школу и всем им – достойную квартиру и район. А бывшая жена тем временем вдруг потихоньку превратилась в жену новенькую: ласковую, внимательную, уступчивую во всем обаятельную женщину. И голова моя, размышляя, требовала – нужно

возвращаться, приложить все силы, деньги, энергию, побороть ущемлённую гордыню и провести квартирный съезд через многократный обмен. И оставить этот счастливый, безмятежный мир молодого разведённого мужчины.

Но внутренний голос говорил: погубишь себя, ибо та женщина – лицемерный оборотень.

Как быть?

И тут явился этот попугай. Подумаешь, что за диво? Если бы прилетел говорящий по-русски жако, то было бы чудо. А тут обычный волнистый попугай, да и причем тут мои сомнения и решения?

Итог: я решился, зарегистрировал новый брак с бывшей женой, провел многофазовый обмен, получил большую квартиру и, потратив огромные средства, провел чудовищно тяжелый, долгий и болезненный капитальный ремонт, устроил детей куда надо, а эта новенькая бывшая жена превратилась в еще худшую стерву, чем была раньше, и жизнь после пяти лет в этой прекрасной квартире стала невыносима. Вновь нами управляли старые обиды, из укромных уголков сознания вновь вылезла коварная ведьма Гордыня и, ослепив доброго старца Разума, стала навязывать самые жестокие меры. Как быть? Вместо согласия и любви – настоящая беда. Судьба детей уже меня мучила иначе, ибо сам стоял на краю пропасти.

Январское утро. 8-й этаж этой большой квартиры. В кухне на форточке сидит волнистый попугай.

После встречи с тем первым попугаем прошло пять лет, и теперь я уже понимал, что их визиты ко мне не случайны и мне нужно как-то принимать верное решение. Но какое?

Случился развод, обмен квартиры и мой переезд в однушку, как ни странно, в соседний дом с тем самым, откуда все и началось.

– Да, тогда, после встречи со вторым попугаем, ты поступил правильно. В ином случае случилась бы большая беда, – сказала русалка после долгого молчания. Они будто дали мне время вспомнить те годы и вновь пережить все события.

– Тогда скажите, кто они – эти попугаи и что за сущность та кошка Селена? Кто ими руководит и для чего направляет на наш путь? – я был уверен, что мне откроется, наконец, великая тайна. А как же я? Здесь, на дне, что меня ждет?

Я ждал ответа. А тем временем у разноглазой в руках что-то зашуршало, и я увидел тот самый пакет с крупой.

«Вот так диво! – думал я. – Когда же и как они его достали из рюкзака?»

– А крупа-то вам зачем? – спросил я, с удивлением почувствовав какое-то тепло и удовольствие на их лицах. Ничего не ответив, они пересыпали крупу в маленькие холщовые мешочки, висевшие у них на груди под сорочками.

– Крупа пшеничка, крупа пшеничка..., – сладостно заверещали они и, взявшись за руки, стали пританцовывать передо мной.

– В крупе есть солнышко, жизнь, в зерне есть зародыши – наши не родившиеся дитятки, которых мы никогда не увидим, не приласкаем, не приголубим, не покормим, и это зерно нас греет и переносит в другой, счастливый мир, – сказала одна из них. – А тех злодеев, которые нас толкнули на страшный грех, из-за которых мы потеряли навечно души и оказались в этом темном холодном мире, ждет неотвратимая расплата! – Произнося эти слова, она затряслась, кулаки ее сжались, стали совсем синими прожилки на кистях. Я оцепенел от страха, глядя на нее.

– Вот мы и ждем их на этих берегах и в окрестных селах. Мы и тебя по началу приняли за одного из них, но, увидев твои глаза и услышав твой голос, поняли, что ошиблись, – сказала разноглазая. – А за крупу мы тебя отблагодарим.

– И оставите меня здесь навсегда? – прошептал я, уставившись в глаза темноволосой. Но она, уже успокоившись, ничего не сказала и вместо ответа протянула ко мне руку. На открытой ладони лежала ракушка, но не обыкновенная речная, а явно морская, из далекого океана, удивительно красивая, с разноцветным причудливым рисунком из прожилок на внешней стороне и светящимся перламутром внутри.

– А остальные ответы, то, что тебя мучает, ты должен получить от Селены, – вдруг заявила разноглазая. – Если найдешь ее.

Бледно-голубой свет на поляне вдруг как-то посерел, и вся золотистая искристость еще недавно меня поразившая,

когда речь зашла о душах, исчезла, и повеяло холодом. Наверху, сквозь переплетения ветвей я увидел серый «небосвод», на фоне которого паутина веток стала более контрастной и совсем мрачной.

В чаще этого леса раздался девичий смех. Я содрогнулся и, повернув голову, увидел сквозь деревья невдалеке еще одну поляну, занятую такими же фигурами с длинными русыми и зелеными волосами до самого пояса и в белых саванах. Они, держась рука об руку, кружились вокруг тела мужчины, лежащего неподвижно на спине в центре этого хоровода. Подбородок его был задран, а руки безжизненно распростерты вдоль туловища.

Спустилась серая мгла, и вся поляна как будто поплыла, растворяясь, а две фигуры стали таять, рассеиваясь перед моими глазами...

Я очнулся от пронзительного холода, лежа на своем берегу совершенно мокрым, уткнувшись лицом в прибрежную траву. Встал и огляделся вокруг: солнце скрылось за темными тучами, и лишь отдельные лучи пробивались сквозь них, отдавая последние теплые цвета небосклону. Близился закат. Нужно было поскорей собрать удочки и весь свой скарб и вернуться на лодке домой. Две удочки были на месте с нетронутой наживкой, а вот третья была в воде с оборванной леской.

Справа от меня, на открытой Волге уже бушевала стихия, и в сумерках под сильным ветром и большой волне мне пред-

стоял путь на базу, огоньки которой с приветливой надеждой манили на другом берегу.

Ветер упорно разворачивал моё легкое судёнышко, а волны бросали лодку с борта на борт, оставляя мои весла совершенно беспомощными в этой болтанке. Я боролся с волной, разворачивая лодку то одним веслом, то другим, но проклятое русло, стремнина реки, упорно возвращало борт под удары волн. – «Нет, нет и нет, ты меня не опрокинешь!» – я твердил про себя в этой борьбе и находил новые силы. А в голове стояла сцена того страшного хоровода русалок вокруг неподвижного тела. Кто же был тот мёртвый человек?

Но спасительный берег понемногу приближался, и уже можно была различить фигуры людей наверху, а огоньки базы становились всё ближе и теплей.

Я развернул лодку кормой к ветру, и пусть волна и ветер снесут лодку с моего курса, но я доберусь до отмели уже поблизости от базы. И не было никакого страха в этой борьбе, а царствовал лишь настоящий азарт. И вот ветер буквально воткнул меня в стену камышей уже на моей стороне реки. Но выплыть кормой назад я никак не мог. Будто стена стояла за кормой лодки, и ветер крепкими клещами держал меня в камышах. После упорных схваток, налегая на весла, я все-таки смог выплыть в безветренный залив нашего «порта».

На высоком берегу стояли мои приятели-рыбаки и директор базы.

– Мы уж думали спасти тебя и уже катер приготовили,

чтобы плыть за тобой, – сказал Петрович, директор базы, пожимая мне руку. – Особенно насторожились, когда тебя унесло к камышам, и мы тебя потеряли из виду. Но, ты – молодец, сам справился, – продолжил он. – А как рыбалка? И ты что, решил искупаться в одежде или за рыбой нырять? Тебя хоть отжимай, – спросил он под смех стоявших рядом мужиков, изучавших мою насквозь мокрую одежду.

Мужики наперебой продолжали о чём-то говорить, смеялись, но я не разбирал их слов и, решив закурить, машинально залез рукой в мокрый карман брюк, но вместо зажигалки нащупал ракушку.

«Это что же, она меня и спасла?» – меня осенило и, ничего не отвечая рыбакам, я повернулся к другому берегу. Там, у моего залива, под мрачным небом огромное пятно на реке мерцало голубым светом...»

Так Никита закончил свою удивительную историю. Рассказывая ее, он повернулся лицом к Волге, как будто собеседником его был не я, а река, и к ее просторам был прикован его взгляд, будто там, в реке, он что-то искал глазами.

А я тем временем при свете угасающего костра разглядывал рассказчика и размышлял: «Был бы он пьян, то это был бы нормальный бред для его состояния. Но он же совсем трезв и совсем не похож на сумасшедшего и, похоже, он просто полностью погрузился в пучину своего воображения и оказался во власти своих фантазий».

Но мои размышления прервал сам Никита: он вдруг

встрепенулся и начал рыться в карманах куртки, что-то достал и протянул мне руку с открытой ладонью. На ней лежала ракушка размером с небольшую кофейную чашку удивительной формы и с необыкновенным рисунком: узор из ленточек коричневых и золотых тонов изящно окаймлялся тонкими черными прожилками, в которых при свете догорающих поленьев, играя с этим огнём, вспыхивали мелкие искорки, переливаясь синим и красным цветом, будто инкрустации из алмазной крошки. А внутренняя часть сияла оливковым серебром перламутра. Подобной ракушки я нигде не встречал.

– Я поеду за Селеной, – сказал после долгого молчания Никита и, оторвав взгляд от ракушки, добавил: – Я знаю где она.

Я посмотрел на него и в его печальных глазах, мне казалось, увидел то ли надежду, то ли мечту.

Город-герой Санкт-Петербург

Командировка

В буфете 5-го этажа было пусто. Проходя мимо стеклянных дверей, Сергей лишний раз украдкой взглянул на себя – да, прошедшая ночь выдавала его с головой. И дурацкое выражение попало в точку: голова была опухшая, дряблая, серая и пустая. А щелки глаз, надежно припрятанных мешками опухших век, робко и предательски поискали и добавили еще и грешки одежды: мятые рукава пиджака, пыльные каблуки и бездарный галстук...

«Да, а ведь впереди меня еще ждут все хлопоты командировки!», – думал он, жуя с отвращением отварные сосиски, и возвращался в мыслях, однако, к событиям предыдущего дня и этой дурной ночи.

В начале все было стандартно: сборы, перелет, приезд в гостиницу, ресторан, ужин и под музыкальный ураган вихрь танцующих женщин на любой вкус с одинаковыми ищущими, любопытными глазами.

«Все меня ждут и все хотят моей любви. И моих денег», – трезво рассуждал Сергей, хладнокровно поглощая закуску. «Не дождетесь!» – радовался он своей твёрдой решимости.

Его делегация отправилась в город на прогулку, и в их отсутствии Сергей получал дополнительное наслаждение.

Выпив ещё 50 грамм и закусив, от нечего делать продолжил свои рассуждения уже только глазами: «Вот та блондинка, например, – беленькая, почти свежая, молодая и статная, и даже интеллигентная». Сергей даже начал получать удовольствие просто от наблюдений за этой женщиной. А она уже уловила его внимание и улыбалась в ответ. Настроение набирало обороты, и он добавил еще 50 г.

Ресторан мерцал огнями праздника, и романтическая музыка и дополнительные 100 г мыслей внесли поправку: да, она красива и не почти, а совсем свеженькая и не похожа на всех остальных. Цветомузыка добавляла красок и страсти к его рассуждениям, а блески и лучи красные, синие, желтые, пронизывающие полумрак пляшущего ресторана, казались ему каким-то чудовищным рентгеном и помогали в этом пьяном исследовании. Но чего-то не хватало, что-то требовало его подсознание в этой уже надоедающей какофонии. «Интересно, а что, если бы сейчас зазвучала Вторая соната Бетховена или прелюдия Баха для лютни BWV 995? – подумал было Сергей. – Все бы повалились на пол». Воображение его разыгралось, и в голове пронеслись картинки безумия под эту музыку на дискотеке.

Сытость и лёгкое опьянение окончательно уничтожили усталость и беспокойства уходящего дня, и Сергей в сладком томлении почему-то вспомнил студенческие времена, один забавный день, когда они с Юркой по прозвищу «Ганс» решились сходить в Центральные бани.

Напарившись вдоволь и выпив по 50 г в рюмочной в Копьевском переулке, ощутили в себе необыкновенную радость, а морозный московский вечер требовал тепла и новых впечатлений.

– Едем в ресторан. В Ленинградскую, – вдруг заявил Юрка. – У нас же есть твой неразменный полтинник, да и у меня ещё кое-что наберется, – продолжил он, видя растерянные глаза Серёги.

Приехали. Но там их ждала очередь и, по крайней мере, два часа топтания на улице никак не радовали.

Серёга уже тогда здорово лопотал по-испански и у него возник план:

– Пойдём к другому подъезду ресторана и прикинемся иностранцами. Идём сразу к дверям ресторана, не обращая никакого внимания на очередь. Я буду что-нибудь болтать громко по-испански, а ты только будешь кивать головой и говорить иногда "Si", «Muy bien», что значит «очень хорошо», и «Claro», т.е. «ясно». И больше – ни звука! – Сергей потребовал от Юрки повторить эти испанские слова и, услышав «клара» вместо «кларо», накинулся со злостью на бездарного ученика: – Ты своей Кларой весь наш проект по-

губишь! Кларо и только кларо с «О» на конце!

Они рассчитывали также на то, что их вполне европейские лица, модные джинсы и, главное – импортные яркие пакеты (набитые, впрочем, банными принадлежностями) не вызывают никаких сомнений у обозленной очереди.

Обошли здание Ленинградской и у другого подъезда ресторана, конечно же, стояла очередь.

Стремительно, с гордо поднятыми головами прошли сквозь этих людей, шурша желтыми пакетами с арабской рекламой, направились прямо к стеклянным дверям заведения.

– Somos de la delegación española, estamos perdidos,¹⁾ – громко закричал Сергей открывшему дверь швейцару и на всякий случай добавил: – Buscamos a nuestra gente por aquí.²⁾

Швейцар внимательно оглядел их с головы до ног и, сделав мгновенно про себя профессиональные выводы, с пониманием и с уважением произнёс: – Испанья?

– Sí, sí, – закричали они все вместе, а Сергею показалось, что Юрка был намерен ещё что-нибудь добавить уже на неизвестном человечеству языке.

– Петрович, эй, Петрович, поди сюда, – закричал швейцар кому-то в зале. Серёга с Юркой замерли и почувствовали на себе мощную волну внимания очереди.

Когда тот Петрович подошёл, швейцар сказал: – Слушай, там у нас ужинает испанская группа, а эти ребята отбились. Иди, позови ихнего переводчика.

И, уже повернувшись к молодым авантюристам, хищно заулыбался и сказал почему-то: – Щас, вери гуд!

Юрка побледнел. На Сергея смотрели глаза человека, приговорённого к утоплению, повешению и расстрелу одновременно. Сквозь ропот в очереди послышалось: «Да, иностранцы, для них у нас везде и всегда открыта дорога».

А Серёга тем временем готовился к беседе с переводчиком и, боясь не справиться с кастильским акцентом, решил прикинуться аргентинцем, тем более что их речь была ему знакома.

Стоящие первыми в этой очереди двое пожилых мужчин смотрели на ребят с глубоким уважением и, может быть, с отеческой любовью.

– Но пасаран, – вдруг сказал один из них. – Мы очень любить Испания, – продолжил он, тыкая себе в грудь.

Серёга заметил, что Юрка был готов ему как-то возразить, но после гневного взгляда товарища тот успел передумать.

– Sí, sí, la guerra civil, nosotros estimamos muy bien la ayuda del pueblo soviético,³⁾ – Серёга, натянув улыбку, решил убедить мужиков в своей признательности.

– Мы воевать, но пасаран, Испанья, рот-фронт! – вновь к ним пристал тот же мужик.

Наверняка врет, подумал Серега и, зная необузданный характер Юрки, готового под хмелек к самому необыкновенному действию, предупредил его строгим взглядом.

Но тут, сквозь стеклянные двери они увидели идущего из

зала Петровича и с ним некоего молодого человека.

Серёга напрягся.

– You are from Spain?⁴⁾ – спросил он почему-то по-английски. От Серёгина сердца отлегло. «Он не говорит по-испански!» – с необыкновенной радостью подумал Сергей и с большим удовольствием уверенно и на достойном английском ответил: – Yes, we are! We are from Spain, from Andalusia!⁵⁾

– Да, эти ребята из Испании, но не из моей группы, – сообщил "переводчик" Петровичу. – Проведи их к Ане, она рубит по-английски.

Сергей с Юркой тем временем пытались выразить на своём лице непонимание и беспокойство.

– Come in, please, we have a waiter who speaks English, her name is Ann⁶⁾, – продолжил любезный переводчик и после радостного и искреннего Серёгина выдоха – "muchísimas gracias"⁷⁾ – Петрович проводил их в зал ресторана.

Не успели они сесть за стол, как Юрка, выругнувшись матом, сказал: – Я весь взмок и уж думал, что переводчик нас расколлет, и нас выведут вон под довольное гиканье толпы. Ура! Твой план удался и теперь погуляем!

Подошла чудная Анечка и с ледяной улыбкой открыла меню с английскими наименованиями блюд. Похоже, что кроме «good» и «good evening» она ничего не знала по-английски. Не успела она открыть вожаделенную книжечку, как Юр-

ка почти мгновенно ткнул туда пальцем и произнес: «Бортч, бодка» и, не зная, как вымолвить селедку с картошечкой на закуску, нашел ее в меню и восторженно указал на это блюдо Аняте.

Получив «бортч», «бодку» и селедочку, ребята расслабились... Стало необыкновенно хорошо в их здоровых молодых сердцах. И в желудках, и – в языках, ибо в шумном зале никто не мог слышать их вполне русскую речь. Но недолго длилась эта радость свободного общения.

Подошел Петрович и, улыбаясь и как-то извиняясь, усадил за их стол, напротив, тех самых пенсионеров – как-бы «героев» гражданской войны в Испании.

«Да, бляха муха! – подумали ребята – А вечер то окончательно испорчен! И теперь уже не поговорить...»

Пока те заказывали блюда, Сергей успел шепнуть Юрке, чтобы тот ни в коем случае не проговорился по-русски, а лишь громко твердил вслух «Sí», «Muy bien» и «Claro» в ответ на Серегины изречения. Улыбаясь, Сергей затараторил громко по-испански, обращаясь уже к пенсионерам, собираясь тем самым предупредить их приставания с «но пасаран» и «рот фронт». Юрка же, выпив очередную порцию водки, настолько влюбился в эти «Sí», «Muy bien» и «Claro», что стал повторять эти слова уже без всякого повода.

Но вечер в ресторане продолжался, мужики разговорились и пока они общались между собой, Серега с Юркой украдкой перешёптывались по-русски, проклиная про себя

таких соседей, и ожидали с нетерпением, когда те, в конце концов, допьют свою бутылку вина, удалятся вон и дадут им насладиться остатками вечера. Сергей мстил им, выговаривая систематически целые тирады по-испански так, что им становилось не по себе от непонятного языка.

И вот пришла эта долгожданная минута – Анята принесла счет, и мужики, внимательно изучив его, начали громко между собой спорить.

– Я и не собирался ужинать в ресторане, – заявил один из них. – Это ты меня пригласил, так ты и плати!

Спор перешел в ругань.

Сергей с тревогой поглядывал на Юрку, глаза которого потихоньку превращались в щёлки, а это ничего хорошего не предвещало...

И тут он, уже одурев от надоевшей игры в иностранцев, от постоянных секретных перешептываний на родном языке, от уже надоевших «Si», «Muy bien» и «Claro» и, наконец, от этого неблагозвучного скандала, вскочил, и на бедных пенсионеров хлынул бурный поток самого изысканного, откровенного русского мата.

Пенсионеры вскочили, вылупили на Юрку испуганные глаза и потом, посмотрев внимательно на Сергея, молча оставили деньги на столе и, озираясь по сторонам, быстро вышли из зала.

– Ты что, скотина, наделал! – взревел Серега. – Нас же сейчас выведут под ручки и вышвырнут из ресторана под счаст-

ливое злорадство толпы!

Но ничего не случилось. В шумном зале никто не обратил внимания на этот инцидент, и ребята успешно все допили, все доели и, оставив Анюте чаевые и заявив, что мол «everything is alright», направились к выходу из зала.

Сергей вспомнил эту историю и, улыбаясь, вернулся к действительности. Да, это – Ленинград, город-герой Санкт-Петербург, 1996 год, а тот случай в ресторане гостиницы «Ленинградская» был в 1976-м ...

А девушка тем временем напомнила о себе сверкающей улыбкой и вернула Серегу в реальный окружающий мир. Выбор был сделан, как оказалось немного позже, в пользу студентки С. Петербургского Государственного университета (имени Жданова А.А.). Долго уговаривать не пришлось.

Будущая работница юриспруденции оказалась совершенно ледяной, бездушной особой, похожей на хрустальный графин: красивая, блестящая и пустая. А когда, уже во 2-м часу ночи, Сергей с ней вошел в бар этого отеля, он почувствовал на себе пристальный и ненавидящий взгляд молодого мужика, сидящего с приятелем у самого входа. В этом маленьком баре единственным свободным местом был столик рядом с ними, и избранница Сергея, присаживаясь рядом, успела с ним переглянуться и что-то сказать. «Видать, ее покровитель», – решил Сергей, украдкой разглядывая этого парня. Сухопарый, костлявый, явный алкоголик или наркоман, он стал сверлить его своими воспаленными красными глазами

и явно ждал какого-либо повода для того, чтобы накинуться.

Сергей мог понять его бешенство: – «Еще бы! Такая фарфоровая лебедь, и белая, и нежная, а теплом от нее веет моим и пахнет она моим парфюмом... Нужно стараться дружить даже семьями», – подумал Серега, сытый и зевающий, и с деланным равнодушием спросил у молодца: – Любезный, что-то не так? А он вдруг вскочил, схватил бутылку со стола и заревел: – Любезный?! Ментяра, щас тебя порешу!

У Сереги мороз по коже пробежал. Совсем он забыл, что такое обращение как «любезный» среди таких ребят означает приговор. На затылке появилась испарина...

В его памяти мелькнула сцена, случившаяся во время службы в армии. Однажды, двум дисбатовцам также не понравилась его интеллигентная русская речь, но зато их полностью парализовали его уверенные и спокойные приготовления к продолжению диалога, когда Серега снял часы и поясной ремень, а пилотку хладнокровно засунул за погон.

Тем временем этого бедолагу уже всего трясло, и он был готов разбить об стол бутылку и накинуться на Серегу, который, сидя в полуоборот к нему, вряд ли мог что-нибудь вовремя предпринять.

– Я вовсе не ментяра! Ты что-то путаешь, – встав напротив, сказал Сергей, пытаясь придать голосу уверенность. И, уже обращаясь к его приятелю, добавил: – Ты бы успокоил своего друга на всякий случай. И прямо посмотрел в глаза взбесившегося мужика.

Ему показалось, что тот бешеный вопль этого отморозка был выдавлен его неуверенностью. В памяти мелькнули слова одной женщины из состава его делегации, которая еще вчера, в начале ужина, в ответ на замечание Сереги о гулявших в ресторане «мордах» его самого сравнила с теми бандюганами, и это сравнение добавило ему как раз ту самую капельку уверенности и мужества. Сергей совсем забыл, что после успешного лечения язвы он поправился на целых пять килограмм, и лицо его могло вполне выглядеть мордой.

Да, но в 2 часа ночи в этой гостинице такая обстановочка ничего хорошего ему не сулила. В любом случае – мордобой, битая посуда и милиция. Начало и конец командировки. А потом еще его ждало продолжение в Москве. Просто восхитительно!

И этот кретин был не одинок: рядом сидел и ухмылялся такой же отморозок. Постояв перед ним пару минут, не отводя от него своих глаз, Сергей сел на своё место, чувствуя непреходящую дрожь в спине.

А любовь его тем временем вскочила и испуганно убежала в другой угол бара к своим подружкам. Возможно это и одергивание приятеля как-то прекратило ссору.

А сейчас Серега, сидя за завтраком, исследовал собственную головную боль и вспоминал эту ночь.

– Мужчина, мужчина!

Серега очнулся. Перед ним стояла официантка и чему-то улыбалась.

– Вы что-нибудь еще будете заказывать?

– Да нет, – ответил он вяло, не понимая, чему она улыбается. Вид у него был отвратительный, и как-то было стыдно перед молодой девушкой за красные и опухшие глаза. И за дурацкий галстук.

– Знаете, – продолжила она с интригой в голосе, – вы так нравитесь Антонине Константиновне!

– А Вы – кто? – спросил Сергей у девушки.

– Я – Настя, – ответила та.

«Какая-то чушь, – подумал он. – Наверное, хмель еще не вышла, и тут еще какие-то издевки...»

– Настя, а кто это – Антонина Константиновна? – спросил он на всякий случай, с трудом выговаривая это чудовищное имя.

– Да это же наша буфетчица. Вон она смотрит на нас!

Антониной Константиновной оказалась милостивая дама лет 50-ти, которая, улыбаясь, смотрела на них из окна раздачи буфета, как будто это была не амбразура буфета, а экран телевизора, и в воспаленном воображении Сереги она казалась ведущей какой-то телевизионной передачи.

«Видать, совсем я плох, если на мое здоровое сорока трех-летнее тело рассчитывает эта уже не молодая дива», – подумал Сергей, но встал и уверенно зашагал прямо к «телевизору», решив, что нужно переключить программу или резкость настроить, что-то предпринять, что-то сделать, может быть съесть что-нибудь или предложить ей конфетку в ответ

на неожиданную симпатию.

– Здравствуйте, Антонина Константиновна!

Вместо «Антонина Константиновна» получилось «Антинаконстинн Вна».

– Мне вот Настя сейчас передала, что я Вам нравлюсь. Да? И что теперь будем делать и как будем поступить?

Получилось как-то строго, с упреком, а к унынию на его лице добавилась улыбка (!). На собственном лице Серега произвел, наверное, настоящую химеру: улыбку с грустью пополам. Ну, просто – древнегреческая маска, в которой одна половина смеется, а другая – плачет.

Антинаконстинн Вна совсем не вспыхнула, чего ему очень хотелось, но как-то смутилась.

Конечно, она не могла даже предположить, что этот, будто бы интеллигентный мужчина, вот так, напрямую, спросит о формах продолжения этого возможного мгновенного романа. И робко сказала:

– Знаете, мне показалось, что Вам так грустно и одиноко, и мне хотелось ...

Под взором его стеклянных глаз она запнулась в поисках нужного слова, а он с ужасом увидел на стенных часах, что было уже 9 часов и 10 минут, и уже через 5 минут ему нужно быть в автомобиле.

Мгновенно и окончательно отрезвев, он что-то буркнул и помчался вниз на улицу.

Легкий морозец и пронизывающий балтийский ветер

освежил лицо и подарил Сергею глубокое дыхание. Перед ним простирался Невский проспект, уже давно вступивший в свою будничную жизнь.

- 1) *Мы из испанской делегации, мы потерялись.*
- 2) *Мы ищем здесь своих людей*
- 3) *Да, да, гражданская война, мы очень уважаем помощь советского народа*
- 4) *Вы из Испании?*
- 5) *Да, да. Мы из Испании, из Андалузии.*
- 6) *Входите, пожалуйста. У нас есть официантка, которая говорит по-английски. Ее зовут Анна.*
- 7) *Большое спасибо.*

Пасхальный рассказик

Маленький ангел, несущий хоругвь, возглавлял крестный ход. Его бледное, совсем детское личико излучало свет радости воскресения, а сознание своего первенства в огромной людской чередѣ переполняло его гордостью особенной силы. На неожиданных ступенях, когда весь люд, затаив дыха-

ние, думал, выдержит ли этот малыш столь тяжелую ношу и вдруг споткнется? – он с достоинством поднимал голову, как бы отвергая готовую помощь идущих следом священников, и уверенно ставил свой шаг. Никто не видел за его спиной белоснежных крыльев и поэтому весь его тяжкий путь и даже сам крестный ход простым бедным людям казался просто невозможным и, как раз поэтому, бессознательно, всем виделось, что происходит нечто волшебное и столь долгожданное.

В этом хрупком теле вдруг собралась огромная сила веры всех идущих за ним и всех видящих его, и он, совсем забыв свою роль в этом ритуале, просто, нечаянно для себя самого, вдруг улыбнулся, почувствовал свои губы и искристо, по-детски, засмеялся и взмахнул крыльями...

Связанные вековыми законами люди последовали за мальчиком – так же просто, ибо впереди сверкали золотые хоругви, которые были светом, а небо, известное им во всем своем бесконечном и бездонном соблазне чистой голубизны и теплой ласки и благотворной грозы, вдруг им стало доступно, а праздник всего лишь помог им ощутить единство в стремлении к этому небу и к радости, до сих пор неосознанной или когда-то потерянной в суете их серой жизни.

Никто как будто особенно ничему и не удивился, так как зажженные свечи в руках уничтожали все законы гравитации, а усталость поста и литургии сделали плоть невесомой и безразличной, и готовой к любому чуду...

Купола собора, голубые, в золотых звездах, такие недостижимые и страшные в своей непонятности, как само небо и сама вера и вся человеческая жизнь, оказались где-то внизу просто совсем игрушечными и простыми, как в детском конструкторе, и все законы, придуманные самим же человеком для всех его робких четырех измерений, потеряли вдруг всю свою незыблемость и суть.

Одна лишь песнь, предельно утонченная совестью тысяч поколений, красотой своей продолжала всех связывать с Землей.

Поехали!

Гук, гук, гук.. трак, трак.. гук, гук, гук, потом – тррррр, тррррр... и опять – гук, гук, гук..

Колёса несли поезд по рельсам, и Алексей Сергеевич думал, изучая эти звуки, что и на рельсах есть ухабы, колдобины, ямки и бугорки и наверняка встречаются «лежачие полицейские»... Дрёма потихоньку завладела им, и грезилось, что он опаздывает на поезд, и вот-вот случится что-то нехорошее и непоправимое. Проснулся, затылок покрылся испариной, и этот «гук, гук, гук» его успокоил, но ведь всё могло

оказаться иначе.

Утром весь багаж был уже приготовлен и всё сделано в срок, и Алексей Сергеевич даже похвалил себя за предусмотрительность. «Даже на полчаса раньше могу выйти, – думал он с удовольствием. – Все-таки чувствуется высокая профессиональная подготовка и такой мощный опыт», – продолжал он ласкать собственное сознание. И, действительно, охватив мгновенно самые серьёзные события своей карьеры, в которых он всё выполнял в срок, Алексей Сергеевич не спеша вышел из дома. Уже на вокзале его встретил пустынный перрон с двумя путями без поездов, без толпы приезжающих и провожающих, и пустые табло лишь подтверждали, что поезд ещё не пришёл, до отъезда полно времени, и можно взять где-нибудь кофе и насладиться трубкой.

– А что, дальние поезда только сюда прибывают или, может, вон на ту сторону? – спросил Алексей Сергеевич у назойливых таксистов, поглядывая на другую, отгороженную часть перрона.

– А тебе куда ехать-то? – с участием спросил один из них.

– Поезд четвёртый, Москва – Кисловодск, – заявил Алексей Сергеевич и, испытав неожиданную тревогу, уже с ужасом пролепетал: – Казанский вокзал...

– Так это же – Павелецкий! А во сколько поезд то?

– В 8.20, – безжизненно прошептал Алексей Сергеевич и сказал уже голосом Ипполита Матвеича: – Хм...

Ему показалось, что он находится в каком-то другом из-

мерении вместе со всеми собственными профессиональными навыками. До отправления поезда оставалось 30 минут.

– Так давай багаж и помчимся на Казанский, – таксист, не дожидаясь ответа, схватил саквояж и быстрым шагом повёл Алексея Сергеевича за собой к машине. Уже двигаясь по Садовому, не встречая практически пробок, Алексей Сергеевич, осмелев, спросил о цене услуги.

– Полтора рубля, – ответил таксист. И опять в голове прозвучал голос Ипполита Матвейча: «Однако...»

А теперь, в поезде, развалившись в купе, Алексей Сергеевич, выпив 50 грамм водки, закусив бедрышком копчёного цыпленка и солёным огурчиком, изящно разделанным вдоль, стал внимательно изучать причудливые прожилки тамбовского окорока и разрезанное пополам варёное яйцо. Но внимание его вновь привлек стук колёс, и он размышлял:

– «Если якуты могут петь о том, что видят, то почему бы мне не запеть о том, что я слышу?»

Ессентуки встретили Алексея Сергеевича зелеными парками, неиссякаемой целебной водой и замечательным соседом по комнате.

Мужику было под восемьдесят лет и, едва Алексей Сергеевич успел войти, как вместо приветствия он услышал: – Наверное, сегодня помру.

Оторопь!

– Да что с вами? – спросил испуганный Алексея Сергее-

вич. Уставший с дороги после поезда, он рассчитывал начинать свой отдых по путевке Собеса с хорошего сна.

– Не знаю. Хреново мне очень, – заявил умирающий по имени Петр.

– И где болит? Врача вызывали?

– Да приходили, померили давление. Вот и все, что они могут.

Было уже 11 вечера. «Что ж, теперь всю ночь мне придется стоять у изголовья этого соседа?» – с ужасом размышлял про себя Алексей Сергеевич.

– Может желудок? Что ели то вечером? – спросил он на всякий случай.

– Ничего не ел. Только помидоры, огурцы, да пивка попил. И немножко сала, – ответил умирающий.

Тут Алексей Сергеевич, обратив внимание на уж больно красный мясистый нос соседа и его пухлые, вполне здоровые щеки, невольно сделал вывод: любит выпить и ест все кряду и наверняка страдает острым гастритом.

– У меня тут есть нужные таблетки, вы их попейте и посмотрим, вдруг полегчает. И действительно уже через час Алексей Сергеевич, услышав здоровый богатырский храп умирающего, со спокойным сердцем в своей комнате лег спать.

На следующий день он заявил в администрации, что жить с покойником в одном номере он не намерен и потребовал немедленного переселения. Вопрос был решен и можно бы-

ло начинать отдых.

За завтраком за одним столом с ним оказались две веселые очень словоохотливые дамочки неизвестного возраста, которые поведали Алексею Сергеевичу, как у них в Самаре готовят разную рыбу. Коль скоро тема рыбалки была ему близка, он с удовольствием втянулся в эту беседу и, кроме прочего, узнал, что у этих дамочек в номере есть удивительные домашние оздоровительные напитки и закуски из самой Самары, и Алексей Сергеевич мог бы заглянуть к ним на минутку и получить удовольствие от домашних блюд.

Алексей Сергеевич не отказался, надеясь услышать правду о жизни народа в славном волжском городе и позже, уже в их номере, из рассказа одной из них, после 3-его тоста выяснилось, что народ в Самаре живет хорошо, а сама докладчица обладает грудью 6-го размера.

Алексей Сергеевич похвалил ее самым восторженным образом, проверять факт категорически отказался и поспешил в свой номер.

На следующее утро голова не болела (!), а у его новой (близкой) знакомой обнаружился нос удивительного сливового цвета.

Кто ж не знает, что значат танцы в санаториях Собеса? Это – альфа и омега, это самое сокровенное действо и главный инструмент в борьбе с бездельным ожирением. И Алексей Сергеевич не избежал соблазна и, к своему удивлению, встретил на дискотеке своего умирающего соседа. Он скакал

с некой «девицей», был красен лицом и выглядел совершенно счастливо.

– Вот он – мой спаситель, – заявил умирающий и крепко обнял Алексея Сергеевича, при этом в окружающей среде возникла стойкая и сложная композиция из запахов пива, водки и портвейна.

«Надо полагать, что этот мощный старик всякий раз, когда приезжает в санаторий, начинает умирать и остается один в номере, в то время как другие доплачивают круглую сумму, чтобы жить в одноместном комфорте», – подумал Алексей Сергеевич.

А по санаторию «Виктория» бродили отдыхающие, оставаясь всякий раз, чтобы сделать глоточек целебной воды. В галерее со священными краниками собирались кучками, делали важный вид и глубоко, вдумчиво вздыхали, поглядывая на ее химический состав. Но, ничего не понимая на самом деле, все думали о надежде.

Над санаторием «Виктория» весела мокрая холодная мгла, и звучала *Lacrimosa* Моцарта, а Алексей Сергеевич готовился к вечерней дискотеке.

Эзофагогастродуоденоскопия

Первый метр я перенес мужественно и был уверен, что беговая дорожка закончилась. Но задумчивый дядя откуда-то из-за спины вытащил ещё один метр. Ну, ладно, промолчу, подышу.

А он тем временем ещё один метр протянул, и мне стало лихо. Глядя на этот шланг, удивлялся: почему там нет разметки как на рулетке?

Становилось интересно, сколько ещё метров пройдет это чудовище в моих потрохах? Отсчитывая метры, стал догадываться, что скоро уже дойдем до заднепроходного отверстия, и все закончится. И, как всегда, встретив какое-либо слово, проверяю свою португальскую память. ЗПО – это по-латыни Anus. И вспомнил курьезный случай:

Однажды, по заказу португальской компании составлял списки российских импортеров. Т. е., кроме прочих данных, пишу латинскими буквами их имена:

Татьяна Петрова – Tatiana Petrova,

Демьян Ливерштерн – Demon Liver (так короче и понятнее),

Ануш Вартамян – Anus Vartanian...

В португальском языке S в конце слова произносится как Ш. Тогда имя Ануш будет писаться как Anus.

И тут в моей голове пронеслось – что теперь подумают об этой славной импортерше португальцы?!

Тем временем проклятый шланг пробивал себе путь все дальше и дальше...

«Надо было брюки, что ль, спустить, ведь скоро уже его выход», – думал я, наблюдая за этим извергом.

Но он почему-то решил извлечь это чертово устройство через мой рот.

А весь метраж я так и не подсчитал. И вот жалею. Может, вернуться и повторить?

Тётя Надя

«Давно, усталый раб, замыслил я побег.

В обитель дальнюю трудов и чистых нег»

(А.С. Пушкин)

На звонок Никиты почему-то ответил Валентиныч.

– Валентиныч? Привет! Как там у вас дела? Тётю Надю

позови! – Последовала тишина, и хриплый голос Валентиныча произнес: – Нету тёти Нади.

Снова безмолвие, и вновь с безжизненной хрипотой Валентиныч сказал: – Померла тётя Надя. Сегодня девятый день отмечаем.

Однажды решил Никита отказаться от подмосковных карасей и попытаться счастья на большой воде.

«Эх! Была не была, поеду куда-нибудь на Рыбинку», – решил он и в интернете нашел подходящую базу.

Ранним майским утром отправился в путь и уже за Сергиевым Посадом стал наслаждаться свободой на дороге и пышностью весенней земли.

Мелькали на обочинах и окрестных полях такие маленькие, такие нежные, голубые, синенькие и желтые головки цветов. И Никита любовался этим красивым, скромным разноцветьем, а сердце получало покой.

Скоро Углич.

И, как всегда, вспоминая маковки его церквей и нарядный берег Волги, начинал думать о царевиче Дмитрие и Марине Мнишек. История гибели царевича и его воскрешения стали легендами. И часто в русской истории – легенды, сказания, былины... Былина – это что? Быль – никогда не существовавшая действительность?

А как-то прошли последние дни этой гордой и тщеславной полячки? Знала ли она или видела, как вешали русские люди на Васильевском спуске у стен Кремля её четы-

рөхлетнего сына? Невинного ребенка. Коронованная царица, несчастная мать и жена именно здесь в Угличе, в одном из его монастырей закончила свой короткий путь на Русской земле. Но перед смертью предрекла: «Погибнет царство Романовых, и последний их царевич будет убит».

Именно здесь были истоки Лихолетья, и именно здесь с гибелью Марины оно закончилось. Удивительное совпадение...

Кто-то, когда-то, нарек одну из башен Коломенского Кремля Маринкиной башней. И с тех пор все верят, что Марина Мнишек погибла в Коломне. Нет, это не так.

По существующим версиям она «обратилась в ворона и улетела через бойницу своей кельи». Иначе говорят, что была утоплена. Конечно, в Волге, конечно, в Угличе.

А Никита, окунувшись мыслями в историю, продолжал свой путь с удовольствием разглядывая окрестные поля.

Эх, лютики-цветочки! Такие махонькие, такие любимые, и все уносились куда-то назад, куда-то в прошлое, в дни его юности, когда они были такими же, как и сейчас. Для них ничего не менялось, и время для них стояло, а у Никиты все уносилось назад со скоростью 140 км в час, а он летел вперед... И ненароком вспомнил Николая Гоголя: «Русь, куда ж несешься ты?»

И понеслись в голове образы Данилы и Катерины, Левко и Оксаны ...

Дрема. Подкрадывался сон. Сушки-бараночки уже не по-

могали, и нужно было где-нибудь на полустанке зайти в кафе и побороть нарастающую усталость.

В кафе было пусто, лишь стояла за соседним столиком пара мужчины и женщины. Попивая свой кофе, Никита поглядывал на эту пару. Мужчина – ну явно советский инженер, вполне интеллигентный, лет 50-и, высокий и опрятный. А вот женщина – маленькая и худенькая – походила быстрее на мальчика-подростка, и лишь лицо её выдавало значительный жизненный путь. Как-то они странно смотрелись вместе и никак не могли быть ни парой, ни товарищами. Разговорились.

– Зачем тебе ехать на эту базу в Борок? Там же все так дорого! – заметил он, послушав намерения Никиты.

– Поедешь с нами в деревню и не пожалеешь. Это недалеко от Рыбинки, – продолжил он. – И будешь там как барин – один на всей реке. Прикупи лишь тушенку, крупы, макароны, сахар и получишь полный пансион! Тетя Надя будет тебя кормить, и платить ты ей будешь рублей сто за день – всего-то!

«Соблазнительно, конечно», – думал Никита. Воображение рисовало полноводную чистую речку, сладкий сон среди первозданной природы и поклевки огромных лещей. «Да, но эти люди – кто они? Можно ли им так сразу поверить?» – Тревога испортила все живописные картинки и, наверное, отобразилась на лице.

– Меня зовут Николай, а моя подруга – Таня. Мы работа-

ем в Сергиевом Посаде, – и он, как будто прочитав мысли собеседника, назвал какой-то НИИ.

В беседе глаза они не отводили, говорили спокойно и вполне грамотно и смогли Никиту окончательно убедить и победить всякое сомнение.

У них была Нива, и Никита последовал за ними.

Уже далеко за Угличем слева замелькала какая-то речка, весело извиваясь, то примыкала к самой дороге, то пропадала где-то в полях. Встречались редкие, совсем маленькие села, но это безлюдье только радовало.

– Да, это она и есть, – сказали мне эти люди на короткой остановке. – Еще немного и мы будем на месте. Скоро начнется бездорожье, километров пять грунтовой дороги. Будь повнимательней! – предупредили они, и все продолжили путь.

Позади осталась пара деревень, и грунтовая дорога, к счастью Никиты, совсем сухая, повела машины через лес.

«Да, но, если будет ливень, здесь моя легковушка уже не пройдет», – думал Никита, двигаясь зигзагами от обочины к центру, избегая глубокой колеи, оставленной грузовиками и внедорожниками.

И вдруг вновь явилась река. Но это уже была не какая-то речушка, сопровождавшая их раньше, а широкая, полноводная, настоящая река с удивительной полукилометровой излучиной.

Изба находилась на самом берегу.

Путников встретила женщина лет семидесяти в обычном сельском наряде. Но на обычную деревенскую бабу она совсем не походила.

– Тетя Надя, – это Никита. Хочет рыбку здесь половить. Если, конечно, позволишь, – улыбнувшись сказала Татьяна вместо приветствия.

На Никиту внимательно смотрели большие серые глаза еще совсем нестарой женщины.

– Ну что ж. Вы ему рассказали, надеюсь, об условиях? – Тетя Надя поправила выбившуюся из-под косынки прядь русских волос, еще не полностью охваченных сединой, и проводила людей в избу.

На кухне было настоящее кошачье царство. Девять кошек – насчитал Никита – располагались на шкафах, на полках и на полу, и были они все одной масти: рыжие с белыми пятнами. Лишь одна выделялась серым рисунком и необыкновенными, прямо женскими глазами.

– Это Селена, – сказала тетя Надя, перехватив взгляд Никиты.

Уже кипел чайник, выложены и предъявлены хозяйке все продукты, приобретенные по дороге, и, выпив по чашке кофе, все решили выйти на берег.

– Вот у тебя даже и лодка будет, – сказал Николай, указывая на весельную лодку в укромном месте под ивой.

– Может водки выпьем? Так уж полагается и, кроме того, я вам благодарен за этот приют, – предложил Никита.

– Нет. Нам пора ехать. В другой раз, – ответила Татьяна, и они, поговорив о чем-то с хозяйкой, уехали.

«Как-то странно, – думал Никита. – Сделали такой крюк, столько времени потратили, чтобы меня привезти к тете Наде».

А в это время уже ждал на кухне ужин, совсем нехитрый, но необыкновенно вкусный.

Тетя Надя оказалась кофеманкой, от водки не отказалась и, как-то немного успокоившись, разговорилась с Никитой.

– Я же была инженером. Работала на таком-то заводе в Рыбинске пока он не закрылся, а потом переехала в этот дом, – рассказала она, наливая кошкам воду.

Никита украдкой разглядывал ее лицо. Прямой нос, хорошая линия рта, красивые губы, открытый лоб говорили о благородстве. Мягкий тихий голос ее настраивал на проникновенную беседу. Лишь в глазах была печаль.

– Купила коровку, так вот и живу потихоньку, – продолжала она.

– А как же близкие Ваши, дети? – спросил Никита, пытаюсь проследить за бесконечными маневрами кошек вокруг.

– В Рыбинске дочь живет с мужем и внучкой Настей. Да вот бывший муж объявился. Болтался где-то лет 30, да и приехал. То есть вернулся значит. Умирать. А я его у них и поселила. Квартира то моя, пусть ухаживают.

Совсем уже вечерело. Сквозь ветви деревьев мерцал свет в окнах отдаленных дворов. Их было всего три или четыре,

но вдоль берега все они находились на приличном расстоянии.

– Ты можешь ночевать здесь, в избе, если хочешь. Или на веранде в баньке, во дворе, – предложила тетя Надя, видя его усталость.

Банька находилась в глубине двора, метрах в 30 от избы, почти на самом берегу, и была завалена какой-то мебелью и рухлядью. Но на самой веранде стоял роскошный широкий диван с целым ворохом одеял и подушек, и Никита был уверен, что с таким набором не замерзнет, несмотря на влажный воздух майской ночи на берегу холодной реки.

Ночь. Небо черное, бархатное, с мерцающими звездами... Тишина небывалая и невероятная! И никого и ничего вокруг!

«Эх! Не хватает лишь луны, месяца, в эту майскую ночь», – думал Никита, очарованный этим покоем, и бросил взгляд на черную заводь реки под мрачными ночными ивами.

«Майская ночь или утопленница», – в голову пришла гоголевская мистика, и он вспомнил ведьму из Вия, но, закутавшись с головой в одеяла, под жужжанье комаров, мгновенно заснул...

Чуть хлопнула дверь веранды. Никита проснулся и вспомнил, что закрыл дверь на крючок. Но дверь еле заметно шевелилась.

«Видать, ветер ее двигает», – решил он себя успокоить и вновь залез в ворох одеял.

Вдоль всей веранды был ряд сплошных стеклянных окошек, немного прикрытых изнутри шторками. Но сквозь щели между шторками он четко видел, как двигаются вдоль окна ветки куста.

«Ну просто ветерок гуляет во дворе», – успокоить себя он так и не смог, тем более что и за потолком на чердаке раздались какие-то звуки.

Вновь ветка скользнула по стеклу за окном, и он увидел пару глаз, смотрящих на него, больших, будто женских, но странной формы и со странными ресницами.

«Что за чертовщина! Что за ночь!» – Никита чувствовал реальный страх. Вскочил с дивана и включил свет.

«Вроде все тихо...» – сбросив крючок, резко открыл дверь и вышел наружу.

За верандой стояла плотная стена кустов, ветви которых прилегали к окнам, рядом – пара яблонь и больше ничего и и никого, лишь какая-то тень мелькнула за кустами.

Возвращаясь к двери своего пристанища, он бросил взгляд на берег реки. Совершенно черное, непроглядное небо сливалось с мрачной заводью под ивой. Блики мелкой ряби и неожиданное колыхание камыша приковали его взор. Там двигались какие-то тени...

По телу пробежал озноб – порыв холодного ветра? Русалки, утопленницы?! Минут пять он стоял замороженный, глядя в эту заводь. «Ерунда, чушь!» – успокоил себя и вернулся к своему ложу.

Чуть рассвело, а тетя Надя уже ждала на кухне с завтраком.

– Ну, как спалось? Отдохнул? – Как-то странно она посмотрела на Никиту – ему показалось – и спросила: – Будешь пшеник?

Никита что-то промямлил в ответ и все внимание перенес на еду.

Пока она обстоятельно рассказывала о пшенике, Никита наблюдал за кошачьем племенем, которое на кухне перемещалось постоянно с места на место, прыгая то на подоконник, то на полки, и пыталось даже вскочить на стол. Лишь Селена в этих скачках не участвовала и, внимательно наблюдая за Никитой и тетей Надей, всегда находилась у дверей кухни.

Ну, наконец, пришел черед самого главного: собрал все снасти и двинулся к лодке.

Стелился туман, и сквозь эту утреннюю пелену река ему казалась ещё более полноводной и величавой, чем в предыдущий вечер. Какое удовольствие плыть на веслах в первозданном покое и чистоте!

Не успел он отплыть, как на берегу вдруг оказалась Селена. Она смотрела на него.

Рыбка поклевывала, но чуда с мощными лещами не свершилось, зато Никита получал на этой реке настоящую радость, несмотря на прошедшую ночь... И вдруг слышит, как над рекой раздается крик тети Нади:

– Никита! Давай уже на обед! – совсем он забыл о договоре – вернуться на обед к трём часам.

Подплывая к берегу, он различил одиноко сидящую кошку. Это была Селена, и она сидела как раз на том месте, где должна была причалить лодка.

Странные ее глаза – серо-голубые, не круглые как у всех ее собратьев по племени, а вытянутые, раскосые, смотрели на Никиту взором египетской царицы. Как же точно нарекла ее тетя Надя: Селена. Лунные глаза. «Ждет рыбку, конечно!» – решил Никита и бросил ей несколько штук. «Однако, а где же все остальные? Почему они не прибежали?» – удивился он.

Все остальные, рыжие в белых яблоках, паслись стайкой во дворе и получили свою долю.

Двор обогатился еще одной живностью: обычная лохматая дворняга по имени Ковбой встречала нового постояльца у избы,

дружелюбно помахивая хвостом.

Так начал Никита свой отдых у тети Нади.



Рано утром, с рассветом, тетя Надя уходила доить свою буренку, а он после завтрака убывал на рыбалку. И всякий раз отплывая на лодке, видел, как на берег приходила Селена и провожала его своими удивительными глазами.

Однажды Никита ловил рыбку с борта лодки недалеко от дома и весь улов помещал в капроновый залатанный садок, привязанный к ветке и свисавший в воду. И вот, собираясь на обед, вдруг обнаружил, что сетка была практически пуста.

«Как такое может быть? – поразился рыбак. – Столько рыб наловил, а здесь только 3 штуки!»

Пусть рыбка мелкая – «радость Мурзика» – но было обидно, что ничего не осталось. И обнаружил Селену под соседним кустом, глодающую его добычу. В садке была дыра! Она лапой достала садок, прорвала дыру и вытаскивала рыбок.

«Да, сколько мудрости у этой специальной кошки и ... подлости», – заключил он и накричал на нее, не сумев побороть гнев. Она ушла.

В другой раз занимался рыбалкой с борта лодки на самом берегу. Селена забралась также на борт и наблюдала за Никитой со своего места. Но как-то неловко он резко дернулся, лодка накренилась, и Селена прыгнула в воду. Барахтаясь в метре от берега, она доплыла и вышла на сушу. А Никите предстало страшное зрелище: Селена мокрая, обиженная, похожая на какую-то тощую, неухоженную выдру, пыталась стряхнуть с себя воду.

И ... пропала!

Тете Наде он нечего не сказал.

– Ты куда Селену дел? – приставала она к Никите, почему-то догадываясь, что он причастен к этой пропаже. Ничего он ей не говорил, а сам недоумевал.

Прошло два дня, и она явилась как ни в чем не бывало. Видать, трудно ей было пережить тот позор мокрой драной кошки.

А тетя Надя проявляла характер требовательной хозяйки и очень вежливо Никиту пристраивала к своим текущим делам: то баллоны с газом отвезти для замены, то шланги на

огороде починить. Дела находила, а Никита всегда старался ей помочь.

– Мне нужно съездить в Рыбинск, – однажды заявила она. – Не мог бы ты меня туда свозить? Пенсию получить, своих проведать..., – смотрела она на него своими печальными серыми глазами.

Конечно, не отказал, и они отправились в путь.

Выбравшись из леса, выехали уже в поле, за которым виднелось какое-то село.

– Смотри! Видишь березу? – указала она на холмик в поле с одинокой березой. – Там убили моего внука, – продолжила она.

Никита с ужасом подумал о каком-то несчастном малыше.

– Ему было всего двадцать, – тетьа Надя думала о чем-то своем, не глядя на собеседника.

Никита ни о чем не спрашивал, боясь потревожить ее больную память, но она сама сказала: – Так, по пьяной лавочке его зарезали.

Слезы показались на ее глазах, но она быстро справилась и, уже молча, они двигались дальше.

Город Мышкин, паром через Волгу, дорога в Рыбинск.

Все были дома: дочь Катя, ее муж Андрюха и внучка Настя. А в комнате на диване лежал старый, обреченный на близкую смерть человек. Дышал тяжело, но смог приподняться и улыбнулся, увидев тетю Надю. Бывший ее муж.

Нужно было съездить в центр города по каким-то делам, и

компания, наскоро перекусив, всей семьей выехала со двора.

Андрюха, сухой, крепкий русский мужик лет сорока, изрядно пьющий, судя по лицу, управлял маршрутом с пассажирского места, подсказывая куда ехать. Как вдруг навалился на руль, требуя срочный поворот налево через сплошную и поперек встречного потока.

– Ты что! С ума сошел? – накричал Никита на него матом, сдержав руль и отбросив его на свое место. – Тут же встречный поток!

– Х...я какая! Тут мы все так поворачиваем, – обиделся он. – Б..ь! Ты просто водить не умеешь, москвич! – и добавил крепкое словцо.

«Да, Андрюха – парень прикольный, с ним не соскучишься, а уж выпивать с ним – одни непредвиденные удовольствия», – думал Никита.

Решив все вопросы, покружившись по центру города и доставив семью Андрюхи к дому, поздно вечером вернулись с тетей Надей на свои берега.

Однажды, вернувшись вечером после очередных бродилок на лодке, Никита увидел, что в огороде тети Нади копошится какой-то старичок.

Маленький, сухонький, лет 75-и, с морщинистым лицом, покрытым седой недельной щетиной, смотрел на него хитренькими всезнающими глазками.

Тетя Надя его никак не представила, а лишь сказала: – Валентиныч помогает мне по хозяйству.

Откуда он взялся и надолго ли приехал было непонятно. Но из разных бесед Никита понял, что он как будто бывший Надин ухажер, потерявший и семью и дом, и последней его надеждой, последним приютом, был этот уголок мира. И он старался, был безропотным батраком и, несмотря на свою щедушность, проявляя необыкновенную выносливость, выполнял все работы по хозяйству и безмолвно следовал всем требованиям хозяйки. В разговоре с Никитой всегда хрипло переспрашивал:

– Чё? Как? – и в голосе звучала какая-то странная агрессия. Казалось, что он плохо слышит, но в его глазах угадывалось совсем иное: никогда не торопиться с ответом, на всякий случай. По каким-то редким, очень сухим беседам с тетей Надей, Никита понял, что за плечами Валентиныча были годы исправительных работ, а на все изящные попытки выяснить что-нибудь конкретное о его жизни, получал те же самые «чё» и «как».

Водку не пил, курил какой-то зловонный табак, а на ужин никогда не приходил и рано укладывался спать или в избе, а чаще всего в чуланчике, пристроенном к коровнику. А Никита с хозяйкой садились за стол поздно вечером, скрашивали беседу стопкой водки или какой-либо настойки. И с лица тети Нади уходила немного печаль.

Как то, во время таких мирных бесед я спросил о родителях ее несчастного внука, ибо ее дочь Катя по своему возрасту никак не могла быть его матерью. Спросил и пожалел.

– Сына моего тоже убили, – тихо сказала тетя Надя в ответ на вопрос Никиты о внуке. И уже не мог Никита смотреть в ее глаза. То ли разум, то ли воля сдерживали ее чувства, и она не плакала и не причитала. Никита посмотрел на нее и, ему показалось, что темные круги под ее глазами стали совсем чёрными. Изношенное сердце...

«Страшная судьба у этой женщины», – размышлял он, не зная, как продолжить беседу. Но она сама поменяла тему и предложила выпить кофе.



Каждый новый день Никита встречал с восторгом, гулял по речке на лодке и отдавал кошкам весь свой улов из мелкой рыбешки.

Но вот однажды ему приснился большой лещ.

В тот день он решил попытаться счастья на другом берегу реки, и случилось чудо: лещ клюнул. Не имея никакого опыта выуживания большой рыбы, Никита все-таки смог вытащить этого леща на берег, но при этом свалился в холодную глубокую воду. Выбрался на берег насквозь мокрым, а в карманах лежали паспорт и мобильник.

Моросит холодный майский дождь, одежда развешена на ветках кустов, а он стоит на берегу в одних трусах вполне счастливый – сон был в руку – пойман первый лещ в его жизни!

А с проходящего мимо катера Рыбнадзора на него смотрели удивленные глаза...

В другой день решил поискать уютное место на своём берегу и нашёл его метров в 800 от дома.

Клевала плотва, окушки, красноперка – всякая веселая речная мелочь, а он её аккуратненько укладывал в садок. Но в какой-то момент что-то стало Никиту беспокоить, и он, невольно повернув голову, посмотрел на ближайший куст... Там, в трех метрах от него, притаившись, сидела Селена и смотрела на рыбака своими лунными загадочными глазами египетской царицы.

«Вот это да! – думал Никита, – пришла за мной и тихонько

наблюдала, ничего не требуя».

Ну и, конечно, получила свою лакомую долю...

Так прошли 8 дней его первой поездки к тете Наде.

И всегда на берегу, когда он утром уплывал, его провожала Селена, и там же, у «причала» под ивой, она его встречала.

Никита еще два раза приезжал уже не один.

И всегда после его предварительного звонка тетя Надя ему не отказывала и принимала вместе с друзьями. Но и другие рыбаки всегда её навещали. Она их размещала или в избе или в хозблоке на берегу реки.

И всегда ей был гарантирован небольшой доход и прикормка для всей её живности. И всегда, как только Никита приезжал к ней, чуть ли не на следующий день, появлялся Андрюха со своей семьёй.

В предпоследней поездке Никиты после возвращения с реки он встретил Андрюху особенно восторженным: он очень был рад встрече и любезно предложил Никите выпить с ним и закусить. Открыв холодильник, Никита сообразил, что и водка, и закуска были как раз из его резервов.

«Какой же милый человек этот Андрюха», – подумал Никита и с благодарностью принял его угощения.

– Приехал на работу, – поведал он гордо. – Будем строить пионерлагерь в Петровском. Это на том берегу, – добавил он, видя вопрос в глазах собеседника. Никита порадовался за него, и они выпили за грядущий успех.

На другой день лодки уже не было. Андрюха уплыл на ра-

боту, а Никита стал ловить рыбу с берега.

Вечерело, и Никита с восторгом наблюдал какое-то странное оживление природы перед наступающим закатом. С семи до восьми все замирало и расцветала вся палитра трав, деревьев и неба, очаровывая своими красками.

Но вот глядит Никита, кто-то несется на лодке с другого берега. Несется в его сторону, а не к «причалу» – Андрюха, конечно. Понятно – на веслах спиной к берегу и с приличной скоростью. Никита закричал, чтобы предупредить, что вот уже берег близко, но Андрюха не слышал и налегал на весла. Никита успел лишь убрать удочки, как лодка уже воткнулась со скрипом в берег, и Андрей вылетел из неё кубарем. «Ну, – думает Никита, бросившись к нему, – наверняка себе что-нибудь поломал». А тот встал, отряхнулся и сказал, как ни в чем не бывало:

– Ух, хорошо погуляли! У Николаши же день рождения, ну и как тут его не поздравить, – его язык заплетался, и он с трудом стоял на ногах.

«Да, беда, – подумал Никита, – и нет у бедолаги никакой надежды кроме тещи, Надежды Константиновны».

А она старалась, пыхтела, и, купив ещё одну буренку, продавая потихоньку молоко окрестным жителям, кормила его семью.

По уговору, когда Никита возвращался в Москву, он всегда звонил тете Наде. Так и на этот раз звонит он из Москвы и слышит её упрек:

– Ты зачем Селену мою увез? Как же ты мог так подло поступить! – Никита не ожидал таких резких слов.

– А что случилось? Я тут причём, не понимаю? – удивился он.

– Она пропала, как только ты уехал, – такой был ответ.

– Не мог я этого сделать и не брал я её. Как вы могли такое подумать! – пытался Никита ее убедить, почему-то чувствуя свою вину.

«Это что же, она побежала за мной следом? Просто невероятно! – пронеслось в его голове. – Неужели не вернется это загадочное существо, и я ее уже не увижу?» – Никите по-настоящему стало грустно.

Но прошёл год, и он вновь собрался к тете Наде, еще не зная, что это будет его последний к ней визит.

И уже проехав Ленинский проспект, вдруг обнаружил, что забыл дома нательный крестик, с которым никогда не расставался. Возвращаться – плохая примета. Но что делать? Вернулся и вновь отправился в путь.

У тети Нади все было по-прежнему: утром дойка коров и их выпас, неожиданные явления Валентиныча с его «че» и «как» и его батрачество на огороде.

Но не было Селены, и Никита скучал, вспоминая ее чудесные глаза.

Дней через пять после приезда, возвращаясь с рыбалки на обед, Никита увидел на берегу пару молодых людей, любовавшихся речкой на берегу. А во дворе стоял УАЗик, и гор-

дый, надутый Андрюха уже спешил обнять Никиту:

– У меня же лапа есть в ГАИ в Некоузе, – ответил ему Андрюха на вопрос об этих молодых людях. – Повезу их сейчас туда, права им сделаю.

На другой день рано утром Никита зашел в избу перекусить перед рыбалкой и обнаружил спящего на скамейке Андрюху. Вошла тетя Надя, очень понурая, более грузная и какая-то вдруг совсем постаревшая.

– Андрюшка вчера разбил машину этих ребят и ещё какую-то иномарку, – ей тяжело было дышать. – На него так жестко наскочили и требуют 70 тысяч за ремонт. Не знаю, что теперь и делать. – Набухшие мешки, черные круги под глазами говорили о ночи без сна. А в голосе её было какое-то смирение, как будто очередное несчастье – обычное дело, и принимала она его просто как явление природы.

В тот вечер случилась страшная гроза – небо полыхало в молниях, весь мир сотрясало от раскатов грома, а верхушки деревьев, озаренные вспышками небесного огня, метались в истерике и казались страшными химерами. Еще одно несчастье свалилось на тетю Надю. В душе была тревога, и Никита уже не мог здесь больше оставаться.

Утром другого дня, наскоро попрощавшись с домочадцами, отправился в путь.

И, проехав несколько километров в лесу, встретил первые следы вчерашней грозы: подъем в горку был размыв потоками воды так, что оставались целыми только узкие, накатан-

ные колесами полосы грунта. Градусов 40 – угол подъема, песчаный грунт, а по сторонам этих спасительных полос глубокие проемы.

«Если не уложусь в эти полосы, то машина провалится, и никто меня уже не вытащит, ведь связи здесь нет», – с ужасом подумал Никита и, выйдя из машины, принялся изучать остатки дороги. Посмотрел на верх, на горку, и увидел пристально смотрящие на него глаза. Там сидела Селена ...

Сердце как-то окрепло, вселилась уверенность, и Никита, собравшись с духом, помолившись Пресвятой Богородице, решил испытать судьбу...

Взлетел на самый верх, передние колеса уже были на спасительном верхнем крае, а двигатель заглох. И вот чуть-чуть, и машина скатится назад или сядет на брюхо в песке. Но он выбрался, вышел из машины и принялся искать вокруг Селену. Но нигде ее не было.

А дальше километров пять путь лежал по глубокой колее, прорытой грузовиками, и легковушка просто чудом не застряла на брюхе. Проехав пару огромных луж, больше похожих на озера с неизвестным дном, Никита выехал на шоссе. И опять помолился. Страшный путь...

Окунувшись в московскую суету, спустя уже две недели после возвращения, он вспомнил, что не звонил тете Наде. И вот Никита звонит, а отвечает Валентиныч ...

ОКЕАН



За кромкой берега с кипящей под огнями ресторана пеной прибоя начинался необъятный мир ночного океана. И океан,

и небо сливались вместе за этой пушистой полосой в одно единое целое – черную бездну.

Ласковые волны освежали уставшее тело и, отплыв всего метров тридцать от берега, где океан величаво, благородно вздымался и падал, можно было наслаждаться покоем и, лежа на спине, раскачиваясь на волнах вверх и вниз, в полном одиночестве, под дружелюбный шум прибоя разглядывать бездонное черное бархатное небо, усыпанное звездами над самой головой.

Два мыса отрезали наш залив от остального мира: один – на западе и другой – ровно на востоке – так что я мог наслаждаться ежедневно в полной мере и восходом и закатом, а песочный пляж без камней и кораллов давал все удовольствия безопасного купания в нашем заливе даже при большой волне.

На закате, когда солнце превращалось в маленький огненный шар как раз над западным мысом, черные контуры его скалы притягивали мой взор, и он манил своей мрачной таинственностью, большой глубиной и обещал в моем воображении поклевки большой рыбы.

Наконец я решился и, уговорив пойти со мной Егора, молодого и отважного переводчика, мы отправились в путь.

Пять километров прибрежной песочной полосы остались позади, и мы, обогнув небольшой залив с чудесной ложбиной, подошли почти к самому мысу. Здесь было мелководе, и большие волны неслись вдоль залива и сквозь белоснеж-

ную сетку пены переливались на ярком солнце в своих прозрачных гребнях голубым и зеленым.

Гора круто спускалась к океану, но подступы к ее подножию у берега были завалены огромными мокрыми камнями и оказались для нас недостижимы, а уж рыбалка была обречена на провал.

Но там, у самого мыса был большой и плоский камень, который и был целью всей нашей экспедиции и соблазнял своей комфортной площадкой наверху, над самой бездной. Надо было как-то туда добраться и посмотреть, есть ли условия для рыбалки.

Мы выбрали большой камень на горке вдали от прибой и, оставив там свои вещи и мобильники, бросились в пучину. Но океан, такой ласковый и приветливый на протяжении всего берега залива, вдруг сменил свою личину и здесь показал свой характер – характер бешеного, неукротимого, могучего зверя.

Чем ближе мы подплывали к мысу, огибая огромные валуны, тем мощнее становилась волна, которая так и старалась нас выбросить на камни, а мы, ощущая себя невесомыми пушинками, сопротивлялись и барахтались что есть силы, чтобы остаться на безопасном отдалении от берега.

Но вот, увидев среди камней маленькую спасительную песочную площадку, решили попробовать выйти на берег. Нужно было только выждать наименьшую волну и дать ей волю. Собравшись в комок, закрыв голову руками, я влетел

в прибрежные камни, вцепился в них, чтобы не дать волне унести себя назад, и сразу бросился на песочный островок. Егор поступил так же, и мы, как два Робинзона после кораблекрушения, с застывшим ужасом в глазах и со счастливыми улыбками на устах осматривали друг друга. За исключением царапин и ушибов целы и невредимы! Но о рыбалке тут не могло быть и речи, и надо было думать, как возвращаться назад.

Над нашим берегом поднималась не очень большая гора, селевые склоны которой были покрыты камнями и разным кустарником, и Егор, оглядев ее, заявил, что пережитого ужаса ему довольно и бросаться в пучину он больше не намерен, и уж легче ему будет возвращаться через эту горку.

– Не страшно, Егор? Сможешь ли добраться до вершины? – спросил я, удивляясь его решимости.

– Ерунда! Мне нравится и есть достаточный опыт, – ответил он, улыбаясь и разглядывая склон. – Уж лазил не раз и не по таким горкам.

Ответ его и, главное – решительность и улыбка, меня успокоил, и мы так и порешили: я возвращаюсь морем, а он – через горку.

Я бросился в воду, стараясь поскорее отплыть подальше от убийственных камней, и принялся за борьбу с волнами.

Страшное место. Почему-то навязчиво беспокоила мысль о большой глубине подо мной. Горькая морская вода, попав в гортань, нарушила дыхание, а в сознании появилась тень

предательской паники. А берег, казавшийся таким близким и спасительным, был недоступен со своим страшным прибоем, и черные мокрые камни со своими острыми беспощадными краями не оставляли никакой надежды. Как раз берега и надо было сторониться, держаться подальше и отдаться на волю океана. Но я все преодолел и доплыл до нашей стоянки.

Егора нигде не было. Все его вещи были в сохранности. Я поглядел на гору, покричал, посмотрел на море, игравшее внизу под нашей площадкой. Егора нигде не было. А ведь прошло минут тридцать, как мы расстались у подножия горы. Что-то случилось... Я вновь закричал, вызывая его, но крик мой был ничтожным писком в шуме прибоя. Нужно было плыть назад, на то страшное место: вдруг он упал с той горы на камни или свалился в море? Тяжелые мысли овладели мной, и я вновь поплыл к тому зловещему камню.

И вновь под собой я почувствовал бездну, напор беспощадных волн, а душе не давали покоя мрачные предчувствия.

Доплыл и, вновь применив успешный прием, выбрался на берег. Егора здесь не было. Решил взобраться на гору – бесполезно, не смог и трех метров одолеть. Оставалось одно – заплыть за мыс и посмотреть уже берег и море с другой стороны горы. Заплыть за скалу? Разум говорил мне: «Безумие – погибнешь и никого не спасешь». А сердце совестило: «Бездушный жалкий трус. Егор покалеченный лежит где-то там, с другой стороны этого чертова камня, или пытается

выплыть, а ты здесь размышляешь». Но я знал, что, может, и доплыву до берега за скалой, но плыть назад сил и воли уже не хватит. И уже никому помощь не придет.

И я решил вернуться к нашему месту и вновь в волнах почувствовал необузданную силу и злость океана.

Доплыл. Но Егора там не было. Мой крик, обращенный к горе, заглушал прибой и оставался без ответа. Палящее солнце, это бездушное небо и злобный океан вошли в согласие между собой и восстали против меня.

Я стоял на камнях на невысокой горке над океаном, запрокинув голову, смотрел в голубое бездонное небо. А в душе зрел грешный упрек – вызов этому небу.

– Пречистая Дева Мария! Пресвятая Богородица! Помилуй нас, прости и спаси! Прошу тебя, умоляю! – обратился я к небу с криком.

Но небо осталось безмолвно, а прибой, мне казалось, стал громыхать с удвоенной силой, и упрек был обращен уже к собственной совести.

Нужно звонить на базу и вызывать здешних рыбаков с их шаландами под мотором. Набираю номер старшего и слышу стук своего сердца: тук, тук, тук....

– Игорь, привет! – я пытался подавить волнение. – Мы тут с Егором пришли на западный мыс и ..., – я не успел договорить, как увидел внизу плескающегося в воде Егора.

– Евгений Юрьевич! Что вы там торчите и не купаетесь? – он кричал мне снизу безмятежный и вполне счастливый.

Я застыл, не веря своим глазам. Галлюцинации? Придя в себя, хотел вывалить на него весь свой запас бранных слов и пережитую боль, но не получилось, ибо великая радость победила зло.

– Где ж ты шатался? – спросил я Егора. – Так долго тебя нигде не было, и мне пришлось дважды плавать к тому проклятому месту, – я ждал с нетерпением ответа.

– Еще на горе я видел вас, кричал вам сверху, а вы не слышали. Просто вон там спустился и пошел плавать. – Он невинно улыбался, не сознавая, какие испытания мне привелось пережить.

Дымка легкого пушистого облачка чуть прикрыла апельсиновый шарик солнца, а волны, переливаясь зелеными и голубыми бликами в ажурной сетке белоснежной пены, дарили свою свежесть раскаленному песку.

Атлантический океан. Мыс Cabo Ledo (Кабу Леду). Ангола.